

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ОТ СЛЕДОВАТЕЛЯ СК

ДАРЬЯ
Литвинова

ДОМ
С ЛЕДЕНЯЩЕЙ
ТИШИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Литвинова, Дарья Сергеевна.
Л64 Дом с леденящей тишиной / Дарья
Литвинова. — Москва : Эксмо, 2026. —
352 с. — (Детективы Дарьи Литвиновой.
Реальные истории от следователя СК).

ISBN 978-5-04-234596-8

Неожиданно пропадает успешный риелтор Мария Воронина. Семья испугана: муж спешно возвращается из командировки, дочери плачут, мать Марии подает заявление в полицию. Следствие поручено капитану Денису Юкову. Муж Марии, не выдержав допросов, сознается, что это он из ревности убил жену, которая была беременна от любовника и собиралась к нему уйти. Расчленив труп, он выбросил фрагменты на свалку. Однако тщательные поиски не дали результатов. Капитан Юков подозревает, что мужчина совершил самоубийство. Но зачем? Новый этап расследования начинается тогда, когда на берегу реки оперативники находят брошенный автомобиль Марии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова Д.С., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,

ISBN 978-5-04-234596-8 2026

Июльское утро выдалось прохладным, небо затянуло тучами; Лика Леонидовна допивала чай, стоя у открытого окна, смотрела на зеленые дворовые клены в серой туманной дымке и предавалась своим непростым мыслям.

Восемнадцать лет назад родилась ее старшая внучка, Полина. Строгая, умная не по годам, красавица, гордость семьи. Лика Леонидовна давно приготовила подарок на совершеннолетие девушки: серьги и кольцо с россыпью крохотных бриллиантов, выложенных в виде солнца. Внучке нравилось происхождение ее имени от древнегреческого — «солнечная», и она подчеркивала это: в цвете одежды, в аксессуарах; в шестнадцать Поле разрешили набить татуировку в виде солнца на запястье. Сделанный на заказ гарнитур с бриллиантами не мог не

вызвать у внучки восторга. Девочки любят украшения, а когда они эксклюзивные — вдвойне.

Как жаль, что с другим важным вопросом тянуть больше нельзя.

Если до этого дня Лика Леонидовна сомневалась и в этих сомнениях оттягивала принятие окончательного решения, то сегодня она с полной ясностью осознала: с ее единственной дочерью Марией случилось что-то по-настоящему серьезное. Дочь, будь она в порядке, никогда не пропустила бы день рождения Полины.

Женщина решительно выпрямила спину, сделала большой глоток зеленого чая из чашки. Она верила в свою интуицию и большую, чем у обычных людей, чувствительность; Лика Леонидовна даже втайне гордилась, что «видит все насквозь». Сейчас ее чувства подсказывали, что дочь попала в беду: возможно, это связано с болезнью, или потерей памяти, или большими долгами, — кто знает, что она скрывает, вдруг сделки не такие удачные, как Мария рассказывает родным, и теперь у нее финансовые трудности... Что угодно, но с ее девочкой не все в порядке. А исправить это можно только одним способом: найти ее, найти как можно быстрее.

Поэтому нужно ехать в полицию. День совершеннолетия любимой внучки Лика Леонидовна планировала начать совсем по-другому, но больше медлить нельзя; и пусть сейчас только половина восьмого утра — чем раньше начнут действовать сотрудники, тем лучше.

Женщина открыла альбом, в который по-прежнему складывала фотоснимки, так и не привыкнув просматривать их в ноутбуке, и вытащила из-под пленки две фотографии: Марии на фоне ее автомобиля, во весь рост, и портретное фото. Жаль было отдавать их, но, когда дочь вернется, они снимут ее еще лучше. Эти кадры когда-то сделал зять, Петр; он умел выбрать красивый ракурс, подчеркнуть эффектную внешность жены. Надо будет его и попросить...

Вместе с мыслями о зяте в душе ворохнулось нечто темное; обуваясь, она подумала, что это он, муж Марии, должен ехать в полицию, он должен подавать заявление о розыске жены, он должен беспокоиться, что супруги нет столько дней. «Наверное, дети нужны только своим матерям», — подумала она, выходя из квартиры.

Звонок застал Лику Леонидовну в такси; «Инга» — было написано на дисплее смарт-

фона. Мать Петра. Праздничные хлопоты в честь совершеннолетия Полины возглавила она: заказывала помещение для мероприятия, утверждала программу торжества, даже в оформлении банкетного зала участвовала; Лика Леонидовна не одобряла этой затеи: Полине всего восемнадцать, к чему столько пышности, да и внучка, вероятнее всего, хотела бы провести свой праздник где-то с друзьями. Но Ингу Давыдовну было не переубедить. И сейчас она наверняка звонила с ценными указаниями по все тому же поводу.

— Лика, дорогая, — голос сватъи звучал, как всегда, спокойно и властно, — хотела попросить тебя забрать цветы из «Вант де флори» в два часа дня. Мой мастер перенесла время, и я никак не успеваю.

— Не волнуйся, заберу.

— Ты можешь привезти их прямо к ресторану, только заранее позвони мне. Букеты поставят в воду, вручим последовательно.

— Инга, — как можно мягче сказала Лика Леонидовна, — тебе не кажется, что это чересчур? Не слишком ли пафосно для нашей девочки?

— Не слишком, — отрезала та. — И, поскольку у нас две девочки, я надеюсь, что

вторая тоже не почувствует себя забытой на этом празднике.

— Конечно, Инга, конечно...

Полине всегда оказывалось больше внимания, чем ее младшей сестре; первая была желанным ребенком, вторая — со слов Марии — была оставлена волей случая, из-за нерегулярного цикла и пропуска сроков для аборта. Первая была красавицей, вторая собрала худшие черты всех родственников. Первая была умна и здорова... у второй в одиннадцать лет ухудшилось ментальное состояние, и уже четыре года Галина неофициально наблюдалась у двух разных психиатров; окончательный диагноз вследствие юношеского возраста все же ставить было рано, но оба доктора, независимо друг от друга, подозревали шизофрению. Так не хотелось в это верить...

— Просто хотела напомнить, что они обе — наши внучки, — с иронией произнесла Инга Давыдовна. — В обеих — наша кровь.

— Я помню, Инга.

— И не вина Галины, что один из ее генов поломался.

— Я знаю, — терпеливо повторила Лика Леонидовна и не удержалась, добавила не-

ловко: — Инга, я сейчас еду в полицию писать заявление.

— Какое заявление?

— О том, что Мария пропала.

В мобильнике на некоторое время установилось молчание.

— Хорошо, — проговорила Воронина-старшая. — Конечно, я предпочла бы, чтобы ты дождалась Петра и поговорила с ним, но понимаю тебя. Это ведь твоя дочь.

— Спасибо. Я позвоню, когда закончу там, в отделе. И цветы не забуду...

Инга Давыдовна, первой отключив связь, медленно положила айфон на столик рядом с собой. Сватья, конечно, не нашла другого времени, как отправиться в полицию как раз на совершеннолетие Полины; ни днем раньше, ни днем позже — именно в праздник. Как и у Петра объявилась срочная командировка: ни неделей раньше, ни неделей позже. Ничего, Инга еще в состоянии сделать так, чтобы внучка замечала в этот день только хорошее.

В полиции суетное июльское утро отличалось от других только не слишком обычной для лета прохладой. В уголовном розыске, как и во всех других отделах, шла

пересменка, сотрудники тихо радовались тому, что исполняющий обязанности начальника РОВД оказался меньшим фанатом построений, чем сам начальник, и впереди были по крайней мере две недели без торжественных «линеек». Юков, оперативник по линии пропавших без вести, объявленных в розыск и неопознанных трупов, опаздывал на работу второй раз в жизни; из-за — кому скажи — соседского ребенка. Тот начал орать еще ночью — как все дети, у которых колики или режущиеся зубки; но и под утро плач не затих, а когда Юков выходил из квартиры, то столкнулся с соседом Юрием Борисовичем, который со слесарным чемоданчиком в руке маялся у двери и прислушивался к детским крикам.

— Денисыч, — обрадовался сосед. — Слышишь, там малец надрывается?

— Слышу, — не стал отрицать очевидное Юков.

— Так того... внутри нету никого, что ли?

— Не знаю.

— Так надо дверь того... вскрыть.

— Может, там мать устала и спит, — предположил Юков. — Не уверен, что это хороший тон: вваливаться к чужим людям с утра.

— Так дите с ночи орет, — стоял на своем Юрий Борисович. — Моя хозяйка сказала, что грыжу наорет или слюной подавится. Открывать надо.

В конце концов Юков нехотя благословил соседа на взлом замка; как оказалось, не зря: голенький, в одном памперсе, крохотный ребенок в манежике от натуги посинел и орал уже из последних сил, а в грязной и захламленной квартире больше не было ни души.

— Вот падла, — воскликнул сосед и смачно плюнул прямо на пол, — шалава, курва, курица! Ты, Денисыч, на работу мальчика забережь тогда?

— В смысле? — оторопел Юков.

— Ну а куда его! Вишь, синий весь, а шалавы этой, курвы, нету. Ты ж у нас власть!

Юков представил, как заходит в РОВД с грудным ребенком, и вяло огрызнулся:

— У меня он тоже не порозовеет.

Нужно было вызывать сотрудника отдела по делам несовершеннолетних, а там уже по цепочке — участкового, представителя органов опеки, родственников «шалавы, курвы» — и дожидаться хотя бы одного из них; такой роскоши Юков позволить себе не мог, а сосед явно не собирался облегчать ему задачу.

Спасла положение жиличка квартиры напротив, девчонка, спокойная и неторопливая.

— Что, опять бросила? — поинтересовалась она. — Третий раз уже. Хоть бы постучала, сказала...

— В каком смысле? — уточнил Юков.

— Ну Елька. Мамашка мелкой.

— А что, она часто его... то есть ее, бросает?

— Ну раньше не было, а сейчас, как проституцией стала заниматься, так через ночь просит: забери, посиди... — невозмутимо сказала девчонка. — Торопилась под клиента, видать, выездной был, вот и бутылочку не оставила. Давайте заберу мелкую, пока Елька не вернется...

Когда к Юкову вернулся дар речи от известия о том, что дверь в дверь с ним оказывают платные интимные услуги, он сообщил, что вызовет все необходимые службы, и попросил молодую соседку передать сотрудникам ребенка; та пожала плечами, равнодушно бросив:

— Да я и Ельку могу дождаться, она позже девяти утра не возвращается, клиентов столько нет...

На работу Юков ехал не в самом радужном настроении и по дороге так и не ре-

шил, что сделать с неведомой Елькой и ее проституцией: натравить участкового или поговорить с девушкой самому. Если кто-то из дружественных организаций будет проводить облавы и обнаружит притон под боком у оперативника районного ОВД, Юкову мало не покажется; это хорошо, что сам о таком соседстве узнал сейчас, а не из заголовков в интернете. Уведомив о произошедшем заместителя начальника отдела по делам несовершеннолетних, оперативник решил, что с «Елькой» поговорит лично, после чего подойдет участкового; а сам тем временем поспрашивает, кому в отделе нужны «палки», то есть раскрытые преступления, связанные с проституцией и притоном, и если в поведении горе-матери ничего не изменится, с удовольствием «сошьет» адрес.

В дверях РОВД, около окошка дежурной части, он так спешил, что налетел на маленькую пожилую женщину в изящной летней шляпке; вскользь извинившись, помчался дальше, но его окликнул дежурный:

— Денис, это к тебе! Заявление!

Пришлось вернуться и извиниться еще раз, после чего Юков проводил женщину к отделу розыска, расположенному слева от выхода во внутренний дворик, и попросил:

— Пойдите тут. Сейчас...

Женщина не дала договорить:

— Буду ждать, сколько нужно.

Порадовавшись терпеливости заявительницы, оперативник поспешил на планерку, но всех уже распустили; начальник розыска Хоминов уезжал на совещание в городской администрации. С некоторым облегчением Юков зашел в свой кабинет, просмотрел подкинутые на стол отписанные на его имя бумаги, после чего позвал заявительницу; та вошла, осторожно присела на предложенный стул, выпрямилась, сложив руки на коленях.

— Слушаю вас, — открыв в ноутбуке нужную программу, сказал оперативник. — Вы по поводу...

— Безвестного отсутствия. Так мне сказали там, на входе, что это так называется... У меня пропала дочь.

— Сколько лет дочери?

— Сорок два.

— Давно пропала?

— От нее нет вестей с одиннадцатого числа.

На календаре было семнадцатое, и оперативник вздохнул про себя. Срок приличный, не придерешься, все основания для